

Третье пространство, номос и поиск идентичности в интеллектуальной истории Казахстана (на примере раннего творчества О. О. Сулейменова)

Лаура Г. Ерекешева

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби; Международный центр сближения культур,
Республика Казахстан

В статье анализируются стихотворные произведения раннего творчества казахстанского поэта О. Сулейменова в рамках теорий гибридности / «третьего пространства» Ж. Бхабхи, номоса и номадологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Источниками исследования являются произведения поэта, опубликованные в сборниках стихов и поэм в 1960-е годы.

Отмечается, что в советском Казахстане этого периода присутствовал неоднородный, негомогенный гибридный характер культуры с разными традициями. Это способствовало активизации интеллектуальной истории, побуждало задаваться философскими вопросами, поисками идентичности персональной и коллективной. Подобные темы ярко выражены в раннем творчестве О. Сулейменова.

Поэт использовал специфический механизм конструирования идентичности — апеллировал к естественно-географическим категориям бытия: элементам пространства Земли (степь, горы, города) и космоса (Солнце, Луна). Через данные категории, а также через обращение к истории, поэт пытался понять и осмыслить состояние гибридности и место в нем казахской (шире — тюркской, азиатской, бывшей номадной) культуры.

Ключевые слова: третье пространство; гибридность; интеллектуальная история; номадология; идентичность; Олжас Сулейменов; советский Казахстан

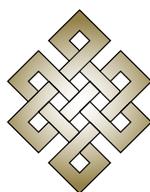
Для цитирования:

Ерекешева Л. Г. Третье пространство, номос и поиск идентичности в интеллектуальной истории Казахстана (на примере раннего творчества О. О. Сулейменова) // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 345-366. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.19>

Ерекешева Лаура Гибратовна — доктор исторических наук, профессор, профессор-исследователь кафедры Ближнего Востока и Южной Азии факультета востоковедения Казахского национального университета имени Аль-Фараби; ведущий научный сотрудник Международного центра сближения культур (Категория 2 ЮНЕСКО). Адреса: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр. Аль-Фараби, д. 71; Республика Казахстан, г. Алматы, 050010, ул. Кунаева, д. 120. Эл. адрес: Laura.Yerekeshcheva@kaznu.edu.kz

YEREKESHEVA, Laura Gibratovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Research-Professor, Department of Middle East and South Asia, Faculty of Oriental Studies, Al-Farabi Kazakh National University; Leading Research Fellow, International Centre for Rapprochement of Cultures (UNESCO Category 2). Postal addresses: 71 Al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan; 120 Kunayeva St. 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan. Email: Laura.Yerekeshcheva@kaznu.edu.kz

ORCID: 0000-0002-2610-0187

VOICES OF ASIA

Article

The Third Space, Nomos and the Search for Identity in the Intellectual History of Kazakhstan (Based on the Early Works of O. O. Suleimenov)

Laura G. Yerekesheva

*Al-Farabi Kazakh National University; International Centre for Rapprochement of Cultures,
Republic of Kazakhstan*

The article analyzes the early poetic works of the Kazakhstani poet O. Suleimenov within the frameworks of H. Bhabha's theories of hybridity and the "third space", as well as G. Deleuze's and F. Guattari's concepts of nomos and nomadology. The sources of the study are the poet's works published in collections of poems and long poems in the 1960s.

It is noted that in Soviet Kazakhstan of this period culture had a heterogeneous, non-homogeneous hybrid character that incorporated different traditions. This contributed to the intensification of intellectual history and prompted engagement with philosophical questions and the search for both personal and collective identity. Such themes are vividly expressed in the early works of O. Suleimenov.

The poet employed a specific mechanism for constructing identity, appealing to the natural-geographical categories of being: the elements of terrestrial space (steppe, mountains, cities) and of the cosmos (Sun, Moon). Through these categories, as well as through recourse to history, the poet sought to comprehend and reflect upon the condition of hybridity and the place of Kazakh culture within it (more broadly, Turkic, Asian, formerly nomadic culture).

Keywords: *third space; hybridity; intellectual history; nomadology; identity; Olzhas Suleimenov; Soviet Kazakhstan*

For citation:

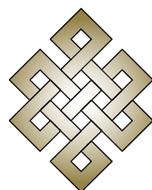
Yerekesheva L. G. The Third Space, Nomos and the Search for Identity in the Intellectual History of Kazakhstan (Based on the Early Works of O. O. Suleimenov). *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 345-366 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.19>

Введение

Олжас Омарович Сулейменов (род. в 1936 г.) — советский и казахский поэт, публицист, сценарист, общественный и государственный деятель, дипломат, основатель антиядерного движения «Нева-да-Семей» (1989 г), деятельность которого привела к закрытию ядерного полигона в Семее (Семи-палатинске) в Восточном Казахстане в 1991 г. Творчество О. Сулейменова, ярко ворвавшегося в казахстанскую советскую и мировую поэзию второй половины XX в., продолжает вызывать интерес и не может оставить равнодушным современного интеллектуала. Оно достаточно хорошо изучено в академической среде (Ram, 2001; Тлостанова, 2004; Бахтикиреева, 2011; Абдулло, 2011; Шашкина, 2014; Бисенкулов, 2015; Какильбаева, 2018; Джусупов, 2020; Laguelle, 2021; Каирбеков, 2025; и др.¹) и публицистической сфере², и также основательно представлено в документальной и биографической

¹ Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя билингва: дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2005.

² См., в частности: Анањева С. В. Мир Олжаса Сулейменова // Простор. 2016. № 5. С. 3–7; Кошут Л. Возвысить степь, не унижая горы. О начале «Второго Великого века» // Простор. 2016. № 5. С. 7–14; Мартынов Л. Вместо предисловия / Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. Алма-Ата: Жазушы, 1976. С. 3–10; Алимжанов А. Предисловие к «Глиняной книге» // Сулейменов О. Собрание сочинений : в 7 т. Алматы: Атамұра, 2004. Т. 2. С. 159–162; Алданов Е. «Олжас и Я» / сост. Е. Алданов. М.: Худож. лит., 2016; Ауэзов М. М. Осененный выдохом вечности — словом // Вместе с Олжасом. Издатель АО «Каздизайн». RDW-Vaumbach, Германия, 1996. С. 159–166; Сидоров, Е. О поэзии Олжаса Сулейменова // Вместе с Олжасом. RDW-Vaumbach, Германия, 1996. С. 129–133; Канапьянов, Б. Образ Махамбета в творчестве современных поэтов (Олжас Сулейменов и Андрей Вознесенский) // Юность. 2019. № 11. С. 89–93.

традиции¹. Кроме того, в 2004 г. было издано собрание сочинений поэта в семи томах, включившее в себя стихотворения, поэмы, знаковые работы, выделенные в отдельные тома, а также публицистику².

Интерес к жизни и творчеству поэта вызван не только знаковостью фигуры О. Сулейменова, его многогранной деятельностью, известностью и популярностью его произведений, спецификой сугубо литературного и языкового жанра, манерой подачи материала или же новизной подхода. Большой интерес сегодня, спустя более 60 лет с момента публикации его первых сборников стихов в начале 1960-х гг., вызывают темы, семантические и образные конструкции, метафоры, которые удивительным образом совпадают с пульсацией современной жизни в Казахстане и мире, с вопросами, задаваемыми сегодня уже в другое время.

В самом общем виде тематический диапазон работ, оказавшийся созвучным современной жизни, можно определить как поиск собственной идентичности сквозь сопричастность пространству, времени и вырабатываемой ими культуре.

Как известно, его самый известный труд «Аз и Я»³ 1975 г. показал направление данного поиска, через язык и лингвистику, для выявления, понимания значения тюркских языков, а вместе с этим, и тюркской идентичности в процессе транскультурных взаимодействий в раннесредневековой Евразии. Судьба данного произведения, прошедшего путь от полного запрета в советский период⁴ до исключительной востребованности с конца прошлого века и по настоящее время, отразила смену эпох. Вместе с созданием независимых государств обращение к своей истории, корням, идентичности логично требовало нового прочтения, переосмысления ранее устоявшихся нарративов. Книга «Аз и Я», несомненно, внесла весомый вклад в процесс воссоздания культурных матриц, о чем может свидетельствовать и ее последнее переиздание в юбилейный для нее 50-й год с новым предисловием автора в 2025 г.⁵

О значимости идей, заложенных в этой книге и других произведениях, может свидетельствовать и серия международных конференций и форумов, специально посвященных творчеству поэта, в частности, Международная конференция, VI Форум сближения культур Евразии, организованные

¹ Толмачев Г. И. Повесть об Олжасе: докум. повесть. Алматы: РПО «Кітап», 1996; Толмачев Г. И. Буря над книгой / Сулейменов О. Собрание сочинений : в 7 т. Алматы: Атамұра, 2004. Т. 3. С. 370–381; Снегирев В. Н. Олжас Сулейменов. М.: Молодая гвардия, 2020. Большое значение имеет и недавняя публикация архивных документов 1970–1980-х гг., показывающих историю обсуждения, осуждения, а также последующей реабилитации и неизвестные ранее детали, связанные с судьбой книги «Аз и Я». См.: Документы нечастного значения (Архивный сборник к 50-летию книги «Аз и Я») / ред.-сост. И. В. Крупко. Алматы: Technology of Imaging, 2025.

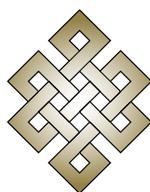
² Сулейменов О. О. Собрание сочинений в семи томах / сост. и вступ. ст. С. Абдулло. Алматы: Атамұра, 2004. Т. 1: Стихотворения; Т. 2: Поэмы; Т. 3: Аз и Я; Т. 4: Язык письма; Т. 5: Тюрки в доистории: О происхождении древнетюркского письма; Т. 6: Публицистика; Т. 7: Публицистика.

³ Сулейменов О. О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975.

⁴ В своих недавно изданных воспоминаниях Олжас Сулейменов в деталях раскрывает подробности, связанные с судьбой данной книги, вышедшей в свет в 1975 г. (см.: Сулейменов, О. О. Так было... Алматы: Service Press, 2023. С. 51–65). Ее запрет, инициированный секретарем по идеологии М. А. Суловым в начале 1976 г., был вызван тем, что книга рассматривалась как идеологически незрелое произведение, содержащее «настроения националистического, пантюркистского характера» (там же: 53). Поэт раскрывает роль лидеров СССР и Казахской ССР Л. И. Брежнева и Д. А. Кунаева в том, что запрет получился смягченным и частичным: вместо политического, ее обсуждение и «осуждение» перенесли на академический уровень. Заседание в Академии наук СССР состоялось 13 февраля 1976 г., и «длилось до 18 часов, без перерыва на обед» (там же: 55–56). В результате критики, обрушившейся на поэта, было принято решение о полном изъятии уже опубликованного тиража книги.

О перипетиях, связанных с осуждением данного произведения и его судьбе в контексте анализа творчества О. Сулейменова, см. также воспоминания редактора (в том числе книги «Аз и Я») и друга поэта Г. Толмачева, журналиста В. Снегирева, написавшего книгу об О. Сулейменове в расширенной серии «Жизнь замечательных людей: Биография продолжается» (Снегирев В. Н. Олжас Сулейменов. М.: Молодая гвардия, 2020), статьи У. Бахтикиреевой, М. Ларуэль (Бахтикиреева, 2011; Laruelle 2021). Примечательно и весьма символично, что биография О. Сулейменова в знаменитой серии ЖЗЛ была опубликована в издательстве «Молодая гвардия», в котором был дан старт изданию журнала «Молодая гвардия» (также основанного в 1922 г.), на страницах которого в том числе звучала критика «Аз и Я» и О. Сулейменова. В этом можно увидеть символику возвращения на круги своя — от неприятия к приятию и осознанию значения творчества поэта.

⁵ Сулейменов О. О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. К 50-летию книги. Алматы: Service Press, 2025.

Центром сближения культур (Центр категории 2 ЮНЕСКО) в мае и декабре 2025 г. в Алматы¹. Они были посвящены полувековому юбилею «Аз и Я», обсуждению вопросов философии осознанной взаимозависимости и формулы пути О. Сулейменова. В 2026 г., в год 90-летнего юбилея поэта, Центром сближения культур также намечено проведение VII международного форума «Посол своей Земли», специально посвященного творчеству, общественной, политической деятельности О. Сулейменова.

Наряду с данным эпическим, мощным и очень знаковым произведением, опубликованным впервые в 1975 г., аналогичные вопросы по познанию себя, своей культуры, истории своего народа и истории мировой, стали получать выражение еще в начале-середине 1960-х гг. в ранней поэзии О. Сулейменова. Как правило, работы данного периода в меньшей степени становились, за некоторым исключением (Крупко, 2023; Абылхожин, Крупко, 2024; Каирбеков, 2025), объектом именно современного анализа. Исследование Б. Каирбекова (Каирбеков, 2025) стало, пожалуй, наиболее развернутым анализом раннего периода творчества поэта, в котором в рамках языкознания проводится анализ звукообразов, звукоподражания, повторов, ассоциативных рядов и метафоричности в поэзии О. Сулейменова. Обращение исследователей к раннему творчеству с точки зрения сегодняшнего дня можно считать важным маркером для понимания взглядов и последующей эволюции поэта в отношении культурной идентичности своего народа. А в более широком плане — и для понимания процессов деколонизации, преодоления коллективных травм, воссоздания культурной идентичности и развития.

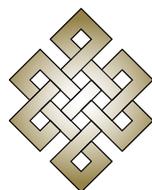
Целью статьи является изучение процессов поиска культурной идентичности в контексте интеллектуальной истории Казахстана на примере раннего творчества О. Сулейменова, которое проводится в рамках теории гибридности / «третьего пространства» (Bhabha, 2004) в сопряжении с концептом номоса, ризомного пространства, номадологии (Deleuze, Guattari, 2005).

Основной исследовательский вопрос состоит в следующем: каким образом, через какие механизмы происходит конструирование идентичности в условиях гибридности; как проявляется гибридность в литературном творчестве, в частности, в ранних работах О. Сулейменова?

Теория гибридности/третьего пространства, применительно к социокультурным аспектам постколониальных исследований, была разработана Х. Бхабхой, американским ученым индийского происхождения в конце XX — в начале XXI в. Ключевыми концептами данного подхода являются понятия гибридности, амбивалентности, третьего пространства, тесно связанные между собой и рассматриваемые в контексте локальности и многосоставности культур, колонизирующих и колонизируемых (Bhabha, 2004, 2010). Неоднородность, отсутствие гомогенности культур, их гибридность являются важными факторами для понимания процессов сосуществования, их влияния друг на друга, а также на индивидуумов. Особенность «третьего пространства» в том, что в нем сочетаются и уживаются элементы разных культурных традиций (Ерекешева, 2024). Концепт гибридности рассматривается исследователями также и как гибридизация — как «еще один синоним транскультурационных процессов, свойственных глобализации» и как «[п]ромежуточная субъектность», которая «чаще всего формулируется в рамках двух или более этнокультурных дискурсов, принадлежащих Российской/Советской империи» (Тлостанова, 2004: 29, 140). Концепты ризомы, ризомного пространства, номадологии, выдвинутые французскими философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари в 1980 г. в рамках работы «Тысяча плато. Капитализм и шизофрения», рассматривают характер, способы организации пространства, ризомного, или номадного (гладкого, номоса) и оседлого (рифленого, логоса) (Deleuze, Guattari, 2005).

Гипотеза исследования сводится к тому, что гибридный характер культуры в 1960-е гг. в советском Казахстане, с элементами ризомного, номадного пространства, способствовал выделению основных механизмов, или «тематических рубрик» интеллектуальной истории, использование которых позволило сопоставлять значения разных культур, задаваться вопросом о значимости собственной.

¹ VII Международная конференция в поддержку культуры знаний на тему: «Рождение тюркостлавистики», посвященная 50-летию книги поэта и общественного деятеля Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Алматы, 27 мая 2025 г. [Электронный ресурс] // Республиканское Государственное Казенное Предприятие «Государственный музей. Центр сближения культур» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. URL: <https://icrc-almaty.kz/site/conferenceview?id=122> (дата обращения: 12.09.2025); VI Международный форум сближения культур Евразии на тему: «Философия осознанной взаимозависимости». Алматы, 18 декабря 2025 г. [Электронный ресурс] // Республиканское Государственное Казенное Предприятие «Государственный музей. Центр сближения культур» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. URL: <https://icrc-almaty.kz/site/forumview?id=52> (дата обращения: 21.12.2025).

Раннее творчество О. Сулейменова позволяет выявить и отнести к данным механизмам взаимно переплетающиеся темы социально-экономической (традиция-модернизация, проявляемые в разных плоскостях) и природно-географической универсальной сфер. Данные сферы можно определить как маркеры осмысления культурной идентичности в «третьем пространстве» в контексте развития казахской культуры и истории, ризомных по своей сути, а также как прелюдия к изучению темы взаимодействия культур.

В статье предлагается рассмотрение данных тематических рубрик и маркеров идентичности с учетом междисциплинарного подхода, в сопряжении культурологии, интеллектуальной истории и семиотики. Философские аспекты культуры применяются при рассмотрении концептов третьего пространства, гибридности, геофилософии (номоса и логоса). Подходы интеллектуальной истории — для понимания тематических аспектов рефлексирования о прошлом (Collini, 2016; Young, 2016); семиотики — в контексте символической репрезентации идей, не исчезающих в никуда, а сохраняющихся в семиосфере (Лотман, 1999).

Задачи статьи сводятся к тому, чтобы: 1) рассмотреть географию (степь, горы) как маркер культурной идентичности, 2) выявить такие механизмы конструирования идентичности как космос и его элементы, Солнце и Луна, 3) проанализировать связь между данными маркерами идентичности и гибридностью, номосом в раннем творчестве О. Сулейменова.

Методы исследования — текстовый, тематический, дискурс анализ произведений. В хронологическом плане изучается ранний период творчества О. Сулейменова в 1960-е гг., выраженный в сборниках стихов¹, изданных в период с 1961 г по 1975 г., до выхода в 1975 г. книги «Аз и Я». Необходимо отметить, что как правило, в сборниках включены стихи разных лет. Как известно, 1960-е гг. были периодом оттепели и либерализации в советском казахстанском обществе, создавшими условия для возможности более свободного выражения идей, что также оказало влияние на выбор тематических направлений поэтом.

География как маркер культурной идентичности

Степь и горы, города

Культура для О. Сулейменова это не только и даже не столько просто традиции, а результат синергии пространства и времени, а также взаимодействия одного вида пространства с другим. А потому тема степи, гор, городов, а также Солнца, Луны, звезд, словно сквозная нить присутствует во многих произведениях поэта.

Как и всякая неординарная личность, талант которой многообразен и широк, наш знаменитый современник мыслит категориями объемными, глубокими и детальными одновременно.

Маркерами данных поисков для поэта становятся метафоры, связанные с природой и географией пространства: земли — степь, горы, города; космоса — Солнце, Луна, звезды. В первом случае — это метафоры, больше связанные с природно-культурной, во втором — с универсальной идентичностью. Данные метафоры становятся основополагающими, широкими контурами, определяющими дискурс уже более предметных сюжетов и сюжетных линий, которые в них вписываются.

В раннем периоде творчества О. Сулейменова (условно его можно назвать также — до публикации «Аз и Я») данные поиски ярко выражены в стихах из сборника «Доброе время восхода»² (*фото 1*).

Названия тематических разделов сборника показательны: «Эхо дикого поля», «Ночь исполнения желаний», «Женщина-румийка», «Черное дерево», «Салам Алейкум».

Сюжетные линии сборника четко высвечивают двойственное измерение идентичности: поиски и понимание Себя и Другого. При этом метафоры космические — Солнца, Луны, звезд — выступают универсальными, а потому всеприемлемыми категориями, способными стать своеобразными соединительными линиями, преодолевающими дихотомические разрывы Я — Другой.

¹ Сулейменов О. Ночь — парижанка. Стихи, поэмы. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1963; Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство “Жазушы”, 1964; Сулейменов О. Глиняная книга. Алма-Ата: Издательство “Жазушы”, 1969; Сулейменов О. Повторяя в полдень. Алма-Ата: Издательство “Жазушы”, 1973; Сулейменов О. Круглая звезда. М.: Художественная литература, 1975.

² Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство “Жазушы”, 1964.

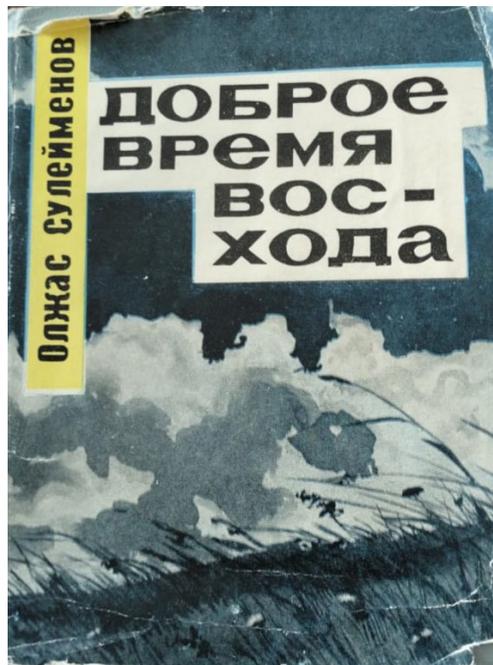
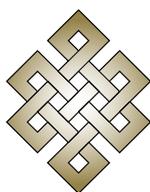

Фото 1. Обложка книги О. Сулейменова «Доброе время восхода», 1964.
Photo 1. The cover of O. Suleimenov's book "Good Sunrise Time", 1964.

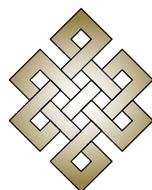
Понимание Себя, истории своего народа и культуры проходит красной нитью в стихах из разделов «Эхо дикого поля», «Ночь исполнения желаний»: «Аргамак», «Красный гонец и черный гонец», «Махамбету», «Домбра», др. Перед взором читателя здесь предстают переданные поэтом яркие сюжеты истории, ее преданий, так и современные зарисовки:

Эй, половецкий край,
Ты табунами славен,
Вон воронье бродят
В ливнях сухой травы.
Дай молодого коня,
Жилы во мне играют,
Я проскачу до края,
Город и степь
Накреня.

...

Твой аргамак узнает,
Что такое
Атака,
Бросим
Робким
Тропам
Грохот копыт в лицо!..¹

¹ Там же. С. 7.

Данный стих, написанный О. Сулейменовым в 1961 г., стал его визитной карточкой и одновременно своеобразным вступлением в тему поисков культурной идентичности. Аргамак, конь как символ кочевой культуры, описывается как энергия стремительной динамики, чей грохот копыт бросает вызов робким тропам оседлости.

Его динамический, неукротимый взгляд в историю («я холерик!»), увиденный по-новому, не тривиально высвечивает как алмазы, рубины, так и простые камни исторических геологических пород и культурных слоев прошлого. Можно отметить, что поэт и сам еще находится в процессе поисков, осознавая себя как многосоставную частицу различных культур, встретившихся, а может, схлестнувшихся на перекрестках истории. Культур степи и гор, а также городов. Не случайно, что эти метафоры являются ключевыми во многих произведениях данного (и других) сборников. «Степь суть обезглавленные горы», — пишет поэт в своем раннем сборнике «Ночь — парижанка» (фото 2)¹.

Фото 2. Обложка книги О. Сулейменова «Ночь-парижанка», 1963.
Photo 2. The cover of O. Suleimenov's book "Parisian Night", 1963.

В стихотворении «Чем порадовать сердце?»² такие вопросы О. Сулейменов ставит открыто с философской глубиной и детской непосредственностью одновременно.

История наша — несколько всплеск в ночной степи.

У костра ты напета, на развалинах Семиречья, у коварной, обиженной Сыр-Дарьи.

Города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку.

... Я молчу у одинокого белого валуна в пустынной тургайской степи.

Как попал он сюда? Могила неизвестного батыра? Или след ледниковых эпох?

Я стою у памятника Пушкина. Ночь новогодняя, с поземкой.

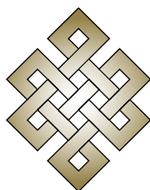
Я сын города, мне воевать со степью.

Старики, я хочу знать, как погибли мои города³.

¹ Сулейменов О. Степь суть обезглавленные горы // Сулейменов О. Ночь — парижанка. Стихи, поэмы. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1963. С. 23–25.

² Сулейменов О. Чем порадовать сердце? // Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство "Жазушы", 1964. С. 40–47.

³ Там же. С. 40.

В данном отрывке можно отметить своеобразное, поэтическое эхо эпохи, когда идеология советской модернизации безжалостным молотом устанавливала свои красные линии истории, переступать через которые было недопустимо. Теории стадийного развития, основанные на экономическом способе производства, постулировали четкий водораздел цивилизаций, проходящий по линии городов, как средневековых, так и в период индустриализации, урбанизации и модернизации. Городская жизнь как индикатор развития противостояла и идеологически *противопоставлялась vis-à-vis* кочевому образу жизни, в свою очередь становившемуся квинтэссенцией и символом отсталого «азиатского способа производства».

Не оттого ли так печально восклицает автор — «Старики, я хочу знать, как погибли мои города»¹ — для преодоления этого разлома, для поиска городов в своей культуре, как возвращение утраченного ранее баланса развития, которое могло бы, пусть и сквозь столетия спустя, дать покой уму, памяти и сердцу. Поэтому города для поэта сродни наивысшей точке, квинтэссенции цивилизации, своеобразному крещендо, достигая которого только и можно по идеологии того времени говорить о развитии.

Постановка данного вопроса может считаться свидетельством своеобразной гибридности, или «третьего пространства» Х. Бхабхи, где локальность культуры в период колониализма постулирует ее амбивалентность, двойственность, а потому — неустойчивость, которая вынуждена обращаться к своему прошлому для обретения устойчивости и стабильности. Можно предположить, что это незавершенный процесс, который будет продолжаться до тех пор, пока данная амбивалентность не будет преодолена, пока не сложится пазл в мозаике поисков Себя, своей истории, культуры. Это очень хорошо отражено в ритмах и символах данного стихотворения. Являясь сыном степи в историческом аспекте, в культурном смысле автор соотносит себя и с городом («Я сын города, мне воевать со Степью»)², и со степью, о чем свидетельствует отмеченное выше произведение «Аргмак».

В вышеизложенном отрывке можно увидеть, что поэт стоит в самом начале пути по поиску Себя и коллективного Я в качестве представителя своего народа. Как сын города он только задает вопрос, хотя уже сама подобная постановка имеет большое значение. Отмеченное выше проявление гибридности, или «третьего пространства», которое создается на стыке взаимодействия между колонизируемым и колонизуемым, традицией и модернизацией, степью и городом, здесь ощущается полно и создает новое пространство отношений.

Данное взаимодействие поэт осмысливает в этом произведении на примере ключевых эпизодов истории противостояния степи и городов — завоевания Чингиз хана и взятия Отрара³, распространения ислама в Степи. При этом автор испытывает двойственные чувства, ОДНОВРЕМЕННО находясь в пространстве двух культур — степи и города, от которых не может отказаться.

Простоял бы столетья источенный взглядами камень,

Просвистели б нагайками добрые песни мои,

Оседлали бы горы, и горы бы стали песками,

А вот Пушкин стоит

...

О кипчаки мои!

Степь не любила высоких гор,

Плоская степь

Не любила торчащих деревьев.

Я на десять столетий вперед

Вам бросаю укор.

О казахи мои, молодые и древние!

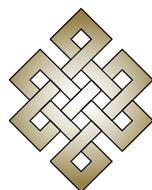
...

Так мы будем стоять!

¹ Там же.

² Там же. С. 40.

³ Взятие города Отрара на территории современного южного Казахстана войсками Чингис-хана произошло в 1219–1220 гг., в результате чего в дальнейшем были завоеваны остальные части региона.

Мы, Высокие, будем стоять!
 Попроси меня нежно — спюю,
 Заруби — я замолкну.
 Посмотри, наконец, степь, проклятая,
 Но моя —
 Все вершины в камнях и в окурках,
 В ожогах от молний¹.

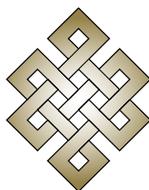
Очень важным моментом, на который хотелось бы обратить внимание, является метафора плоской степи, используемая поэтом. Представляется, что здесь заложен более глубокий смысл, чем просто поэтический прием, к которому поэт обращается в разных своих произведениях раннего периода. Данную метафору можно считать своеобразным предчувствием и предвосхищением концепции геофилософии французских философов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, заявивших в 1980 г. о различных пространственных моделях мышления — кочевой (гладкой, номос) и седентарной (рифленной, логос) (Deleuze, Guattari, 2005). Где номос — это гладкое пространство кочевников, без центра и периферии, неукротенное, над которым невозможна никакая трансцендентальная доминация, как нельзя доминировать над землей и морем (Турарбек, 2020: 164–165).

Не случайна корреляция между определением пространства степи у О. Сулейменова и Ж. Делеза и Ф. Гваттари — плоская и гладкая степь соответственно. Как не случайно также обращение О. Сулейменова к аллегориям природы и космоса в описании своих чувств и в поисках ответов на вопросы о том, почему мы есть такие, какие мы есть. Поэт выражает свое отношение с помощью таких же природных явлений, более высокого порядка — космического номоса. Кроме того, при такой архитектурной номадной модели мышления, апеллирующей к природе или пространству во всех его проявлениях и формах как к единому всеобъемлющему началу, вопросы поддержания баланса, равновесия, гармонии, а, значит, самой жизни, неминуемо будут связаны с включением элементов природы (более подробно об этом ниже). Собственно, именно это мы и находим в раннем творчестве у поэта.

Фото 3. Обложка книги О. Сулейменова «Определение берега», 1976.
 Photo 3. The cover of O. Suleimenov's book "Defining the Coast", 1976.

¹ Сулейменов О. Чем порадовать сердце? // Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство "Жазушы", 1964. С. 45–47.

Азия и Европа

Еще одной сюжетной линией, в которой ставится все тот же вопрос об идентичности, но уже в более широких географических рамках, а также как состояние ментальности, является тема Азии, которая проступает в разных контекстах, через обращение к искусству, истории. В стихе «Лувр», который, хотя и был написан в 1961 г., но был включен не в ранний сборник «Ночь-парижанка», а в более поздний — «Определение берега» (*фото 3*) (Сулейменов, 1976)¹, поэт пишет о своем опыте посещения Франции и знаменитого музея Лувр:

Я по залам брожу бесцельно,
 На алмазы гляжу бесценные.
 Удивляюсь:
 «Ну где же ты, Азия?
 Может быть, в этих чистых алмазах?
 В этих узких мечях двуручных,
 Что ковались тебе навстречу?
 Ты когда-то дошла до Двуречья
 И замолкла.
 А кто нарушит
 Твое медленное молчание?
 Кто, великий, дойдет до Запада,
 Завоюет,
 Но не мечами,
 Эти залы,
 Пустые залы?..²

В данном кратком экспромте-ощущении от посещения музея видно, что поэта не оставляет все тот же вопрос об относительной на тот момент культурной маргинальности, которая для поэта бросается в глаза. Можно предположить, что богатство музейных коллекций Запада осмысливается О. Сулейменовым не только само по себе, но также и в связи с дихотомным разрывом, сродни степи-городу. Парная связка высвечивает проблему угасшего величия Азии, ее медленного развития и молчания в целом, хотя в прошлом: «Твоих рыцарей прадед арканом / Из седел таскал»³.

Поэт пытается восстановить утраченное культурное достоинство и мечтает о воссоздании былого величия Азии: нового завоевания, но, уже не мечами, а культурой. Здесь четко проявляется тема, которая впоследствии будет очень активно разворачиваться поэтом в том числе и на практике — о мире через культуру, в рамках работы в качестве Посла Казахстана в Италии и Франции, а также Постоянного Представителя страны при ЮНЕСКО (1996–2014 гг.)⁴.

В своих произведениях поэт размышляет об *азиатскости* Востока в контексте его отношений с Западом. Основной смысл сводится к тому, что оба понятия это не столько география, сколько ментальные конструкции и опыт развития, которые проявляются дихотомно, в парном «разрыве», противопоставлении активного и пассивного начал. В этом плане он также предвосхищает Э. Саиду с его концептом ориентализма, изложенном в 1978 г. (Said, 1978). Части дихотомии, то есть Восток и Запад у Саида, в поэзии О. Сулейменова отображаемые как Азия и Европа, связаны друг с другом, не могут существовать в отрыве друг от друга, превращаясь в поиски ответа на вопрос о причинах и способах преодоления этой связи.

Стихотворение «Это кажется мне», посвященное А. Вознесенскому⁵, является показательным. Небольшое по размеру, оно ставит сразу несколько очень важных вопросов — о традиции и модерниза-

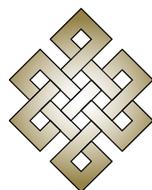
¹ Сулейменов О. Лувр // Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. Алма-Ата: Жазушы, 1976. С. 73.

² Там же. С. 73.

³ Там же.

⁴ Сулейменов О. Так было... Алматы: Service Press, 2023. С. 130–139.

⁵ Сулейменов О. Это кажется мне // Сулейменов О. Повторяя в полдень. Алма-Ата: Жазушы, 1973. С. 83–85.

ции, их взаимодействии сквозь призму «Другого» и через дихотомию Азии и Европы, а также об одинаковой сути различных форм культурного развития. О. Сулейменов размышляет об этом, обращаясь одновременно к Махамбету, великому казахскому батыру воину и акыну (поэту, исполнителю) начала XIX в., и к своему современнику, поэту и другу А. Вознесенскому¹. Обращаясь к Махамбету, он словно фиксирует различия в уровне развития начала XIX в., в котором жил Махамбет, и XX в., используя дихотомию Азии и Европы:

Ты не пытайся понять
нашу странную речь, ...
Тебе будет не просто —
Жить в царствии прозы
Поэзией,
Исправляя метафорой мир,
Как Европу
Азией.
...
Только в сравнении с малым
Велик человек,
Только в сравнении с великим
Жив человек.
Разве я не похож
На могучего гомо-антропа?
Лишь в сравнении с Азией
Существует Европа².

Очень показательна здесь перекличка идей О. Сулейменова и Э. Саида о взаимно определяемом существовании Азии и Европы, Востока и Запада. Идея О. Сулейменова о том, что «Лишь в сравнении с Азией существует Европа» созвучна концепции Э. Саида, что ориентализм не мог быть создан без Востока, это сам Восток позволил себе стать Ориентом (Said, 2003).

В теме кочевья также явственно можно увидеть параллели с концепцией номадизма Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которые показывают характеристику ризомной структуры перемещений: «Кочевник перемещается из одной точки в другую лишь как следствие и фактическая необходимость; в принципе, точки для него — это пересадочные узлы на заданной траектории» (Deleuze, Guattari, 2005: 380).

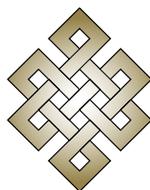
Несмотря на различия культур, для поэта они все же едины в общем — каждая из них познает бытие в едином концептуальном ключе, через познание самого себя, узнаваясь в другом, то есть через категорию познания, которое возможно через опыт путешествия, странствия.

Обращаясь уже к А. Вознесенскому, О. Сулейменов восклицает:

Андрей! Мы — кочевники,
Нас разделяют пространства
Культур и эпох,
Мы кочуем по разным маршрутам,
Сквозным и реликтовым.

¹ Как известно, к творчеству и личности Махамбета О. Сулейменов обращался не раз в своих произведениях. Весьма показательна, что через О. Сулейменова интерес к казахскому акыну и батыру проявил также и А. Вознесенский, написав цикл стихов «Читая Махамбета», самое известное из которых — «Песня акына», известное также как «Мольба». Подробнее см.: Канапьянов Б. Образ Махамбета в творчестве современных поэтов (Олжас Сулейменов и Андрей Вознесенский) // Юность. 2019. № 11. С. 89–93; Вознесенский А. Песня акына // Вознесенский А. Дубовый лист виолончельный. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1975. С. 146–147.

² Сулейменов О. Это кажется мне // Сулейменов О. Повторяя в полдень. Алма-Ата: Жазушы, 1973. С. 83–84.

...

Я брожу по степям уставая,
 Как указательный палец —
 Направление пути
 Указуют железным дрюком.
 Это кажется мне —
 Аз и Я — Азия,
 Ошибаюсь.
 Мы кочуем навстречу себе,
 Узнаваясь
 В другом¹.

В этом смысле для поэта все народы — кочевники по своей сути, открыватели пути. Поскольку каждая культура неизменно несет в себе данную характеристику, то в главном они одинаковы, сопоставимы и по своей сути не различаются (это сближает его подход с концептом «единство бытия» в суфизме). Данное стихотворение, написанное до «Аз и Я»², можно считать не просто его прелюдией, в которой впервые была озвучена эта словесная формула, но и своеобразной точкой бифуркации, пройдя которую впоследствии поэт начинает более сфокусированно и целенаправленно рассматривать вопросы взаимодействия культур как основную сквозную тематическую линию своего творчества.

Аналогичные поиски своей идентичности можно найти и в другом раннем стихотворении «Постою у окна» из сборника «Доброе время восхода»³. Оно о том, как поэт приехал в аул принять участие в кокпаре — национальной игре «козлодрание», когда две команды игроков на лошадях борются за тушу козла/барана. Зарисовки автора в данном емком поэтическом рассказе столь точны, остры и выразительны, что объемно выступают ключевые моменты сельской идентичности степи периода советского модерна городов:

Перепутаны травы горячим клубком,
 И дремучая Азия дремлет кругом.
 Полудикий кокпар.
 Ярость конных атак.
 Топот. Хохот. И вскрики.
 И хрип иноходцев.
 Никогда города не волнуют вот так!
 О степная луна!
 Ты — остывшее солнце⁴.

В данном произведении поэт отчетливо показывает свое состояние дуальности, словно находясь между двумя мирами и проживая две жизни одновременно как одну. Подобного рода гибридность проявляется в эпитетах, которыми О. Сулейменов описывает свой опыт нахождения в двух мирах. С одной стороны, это нарратив ориентализма, который словно выверенной тропой описывает реальность и конструирует ее по своим собственным ориенталистским лекалам: «дремучая Азия дремлет кругом. Полудикий кокпар». О. Сулейменов ориенталистский дискурс формирования знания заменяет своим — концептом степи, со всеми ее буйными проявлениями «дикого» состояния — «Ярость конных атак. Топот. Хохот. И вскрики. И хрип иноходцев».

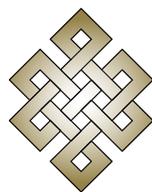
А с другой стороны, поэт сразу же заявляет и о своем другом измерении бытия, о том, что инстинктивно и интуитивно притягивает его к степи и делает его, как поэта, частью ее пространства: «Никогда

¹ Там же. С. 84–85.

² Канапьянов Б. Образ Махамбета в творчестве современных поэтов (Олжас Сулейменов и Андрей Вознесенский) // Юность. 2019. № 11. С. 89–93.

³ Сулейменов О. Постою у окна // Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство «Жазушы», 1964. С. 86–98.

⁴ Там же. С. 97–98.

города не волнуют вот так!» Здесь мы видим его родство, эмоциональное, но и духовное, его возврат в лоно своей исконной самобытной идентичности, определяемой по рождению в конкретном этносе. Затем, однако, также внезапно, словно спохватившись, поэт возвращает себя обратно на стезю ориентализма. И эта стезя, наезженная, накатанная, словно отругав его за внезапный взрыв чувств, говорит об обратном: «О степная луна! Ты — остывшее солнце». Об этом же свидетельствуют и другие стихи поэта:

Над пустыней стоит одинокое небо.

Успокойся, скакун. Это всходит луна.

Ах, такую прохладу и спокойствие мне бы¹.

Таким образом, на раннем этапе своего творчества поэт поставил вопросы, которые и далее будут звучать сквозной линией в его последующих произведениях, достигнув своеобразного апогея в «Аз и Я». Тематические рубрики, как маркеры познания своей культурной идентичности можно увидеть в обращении к географии пространства — к дихотомии степи и гор, а также городов. Данная дихотомия выступает как квинтэссенция разрывов между традицией и модернизацией, между кочевой и оседлой культурами, между номосом горизонтали, степи с одной стороны, и логосом вертикали, гор и городов — с другой. Не менее важный маркер идентичности, который также начинает явственно проступать в творчестве поэта, связан с попытками выхода за пределы географии локального пространства и попыткой обобщения опыта Азии в целом. Это проявляется в постановке вопросов об Азии по отношению к Европе, и в дальнейшем оформится в знаменитое «Аз и Я».

Космос как маркер идентичности

Солнце и Луна

Чтобы лучше понять эпитеты и причины включения метафор в ритм произведений, необходимо отметить ранее отмеченную особенность работ О. Сулейменова — использование универсальных категорий космического бытия — Солнца и Луны. Космические символы в целом, в частности, дуализм Земли и Неба (шире — Космоса), а в нем — Солнца и Луны, играют большую роль в творчестве поэта. В контексте филологических исследований поэзия О. Сулейменова отличается исключительной метафоричностью, начальной формой которой «становится контрастное сопоставление значений внутри одного семантического гнезда» (Каирбеков, 2025: 80), а также мифологичностью и образностью (там же: 80–82).

Примордиальные основы сопричастности жизни человека и природы, космоса в целом очень ярко и выпукло представлены в раннем творчестве поэта. По сути, они пронизывают собой целые разделы книг, как например, раздел «Эхо дикого поля», или же осыпают россыпями аналогий, метафор в других стихах.

Космос с его загадками и одновременно предсказуемостью, был и остается для человека, пожалуй, одним из главных, устойчивых и вечных элементов мироздания. А то, что нетленно и вечно, без чего невозможна сама жизнь на Земле, неминуемо приобретает сакральное измерение и мыслится в категориях метафоры, непосредственно связанной с мифологией.

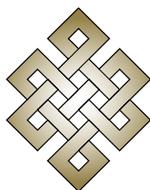
Образы Солнца и Луны как неизменных спутников жизни человека, непосредственно влияющих на ход его жизни, присутствовали на самой заре развития человека и социальных групп. Принцип цикличности и повторяемости, как некий заложенный механизм бытия, свидетельствовал об устойчивости мироздания, в котором эти светила, как изначальные божества и потому фиксируемые с большой буквы (Солнце и Луна), играли свою роль в развитии миропорядка и вдыхали жизнь в бытие социальных групп:

Над круглой плоскостью степи

Углами дыбятся породы...

Далекое уводит нас.

¹ Сулейменов О. Песня // Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство «Жазушы», 1964. С. 178–179.

Все близкое кругло,
 За миллионы лет от глаз —
 Углами голубые звезды.
 Нас от звезды спасают крыши,
 Но мы ломаем — и летим.
 Над вдохновенными горами
 Унылый круг луны потух¹.

Проводя дихотомию «степь — горы», автор интуитивно подводит и сопоставляет ее с другой парной универсальной конструкцией — «Луна — Солнце». Автор ассоциирует Луну со степью («О степная луна!», «Над круглой плоскостью степи», «Все близкое кругло»), при этом Луна для него «потухшая, унылая», словно время ее уже прошло. Степь, словно отдав свою энергию городу, а также горам, подобна Луне, заход и угасание которой одновременно символизирует восход Солнца.

С другой стороны, Солнце, так же как и огонь, для поэта источник не только света и жизни, но и правды, которому необходимо верить и поклоняться. Данное отношение рельефно просматривается в стихотворении «Азиатские костры»:

... когда-то ночью к вам пришли шаманы
 Для добрых дел и правильных бесед.
 Они зажгли огонь и научили
 Беречь огонь и
 Кланяться огню,
 Лечить огнем радикулит и чирий,
 И научили подходить к коню,
 И верить Солнцу,
 И гадать по звездам, ...²

Образы Луны и Солнца, которые, наряду со степью, попеременно присутствуют в его творчестве, отражают состояние гибридности, момента трансформации, дуализма и амбивалентности, которое испытывал поэт на раннем этапе своего творчества. С одной стороны, Солнце как вера, жизнь, динамизм, энергия городов, с другой стороны — Луна степи, погасшая, унылая. При этом сама степь может представлять и как низшая точка оскудения, что исключительно сильно показывает поэт в стихе «Бетпак-Дала»:

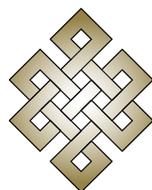
Бет-Пак-Дала
 Всегда такая голая,
 Что стыдно лошадям смотреть в глаза.
 Моя кобыла,
 Отупев от голода,
 Не слышит повода,
 Глядит назад³.

Солнце и Луна, казалось бы, универсальные категории бытия, тем не менее, в раннем творчестве поэта символически несут в себе отголосок культурной маргинализации этноса. Поэтому они, хотя бы и частично, словно принимают на себя часть культурного отчуждения и сложившуюся на тот момент систему ценностей. Данный аспект проецируется автором преимущественно на Луну, которая (в стихотворении «Русь Врубеля») предстает уже как «месяц раскосый», как часть дихотомии, в которой, с другой стороны, присутствует:

¹ Сулейменов О. Звезда // Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство “Жазушы”, 1964. С. 99.

² Сулейменов О. Азиатские костры // Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство “Жазушы”, 1964. С. 74–75.

³ Сулейменов О. Бетпак-Дала // Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство “Жазушы”, 1964. С. 54.

Край росистых лесов
И глазастых коней,
Россыпь рубленых сел,
Городов изваянья,
И брусничные ночи,
И роспись огней¹.

Семиотическая направленность произведений, связанная с символической репрезентацией космических светил, очевидна.

В силу особенностей этого ночного светила, ее мягкого, неослепляющего света; ассоциации с подсознательным, внутренним; тихой, словно приглушенной динамики относительного непостоянства (меняющихся в течение всего лунного месяца форм) для О. Сулейменова именно Луна становится своеобразным маркером прошлого. Как женское начало, она олицетворяется с уютом очага традиций, с приглушенной, а не громкой динамикой ритма жизни, с ростом и угасанием. Изменение фаз Луны как летопись истории с ее захватывающими страницами взлетов и поражений народов и цивилизаций. Не случаен в целом поэтому интерес поэта к истории, причем, не только своего народа и страны, но и всемирной. Сборник «Глиняная книга», впервые изданный в 1969 г.² (фото 4), тому яркое подтверждение. История древнего Египта, Месопотамии, эпос о Гильгамеше синхронно переплетаются с легендой о взятии Отрара, историей Золотой Орды.

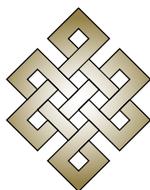

Фото 4. Обложка книги О. Сулейменова «Глиняная книга», 1969.
Photo 4. The cover of O. Suleimenov's book "The Clay Book", 1969.

Думается, что для О. Сулейменова Луна олицетворяет славное прошлое цивилизаций, хоть и могучее в прошлом, но ушедшее и текучее в настоящем. И, как антитеза Луне, Солнце в поэзии О. Сулейменова является системообразующим центром вселенной, ее движущим ядром активности, развития

¹ Сулейменов О. Русь Врубеля // Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство "Жазушы", 1964. С. 103.

² Сулейменов О. Глиняная книга. Алма-Ата: Издательство "Жазушы", 1969.

и процветания. Не случайно поэтому, многочисленные эпитеты, которые для поэта ассоциируются с развитием, то есть модернизацией того времени и ее многочисленными производными (индустриализацией, ведущей к урбанизации и цивилизации, технологизацией и развитием науки в целом), коррелируют также с Солнцем.

Символично также и то, что именно О. Сулейменов стал первым поэтом, отразившим в творчестве полет первого человека в космос, Ю. Гагарина, практически синхронно с самим этим событием. Стих был написан поэтом за ночь, и далее лег в основу поэмы «Земля, поклонись человеку!», которую поэт создал в течение недели¹. Подобная синхронизация имела большое символическое значение, в том числе и для самого автора, который практически сразу вышел на высокую интеллектуальную орбиту того времени. Показательно, что Земля при этом получает и такой эпитет как «простая круглая звезда», давший название отдельному сборнику стихов «Круглая звезда», изданному в следующем десятилетии² (фото 5).

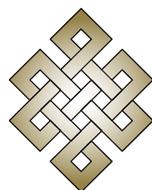

Фото 5. Обложка книги О. Сулейменова «Круглая звезда», 1975.
Photo 5. The cover of O. Suleimenov's book "Round Star", 1975.

Таким образом, космические маркеры идентичности в поэзии О. Сулейменова представлены образами Солнца, Луны, звезд, которые, по аналогии с дихотомиями «степь — город», «Азия — Европа», также выступают в качестве метафор разрыва между традицией и модернизацией, между прошлым и настоящим. При этом они несут высокую семиотическую нагрузку, становясь также характеристиками культурной маргинализации этноса, его смыслового отчуждения. Связь с природой земной и космосом в целом, очень ярко представлена в творчестве поэта во многом также и в связи с кочевой культурой, которая создает пространство, а не просто связана с передвижениями: «Кочевник расселяется на обширном пространстве; он занимает, населяет, удерживает это пространство; это его территориальный принцип. Поэтому неверно определять кочевника по его перемещению» (Deleuze, Guattari, 2005: 381).

¹ О. Сулейменов подробно пишет об этом незабываемом дне в своих воспоминаниях и о том, что накануне главный редактор газеты «Казахстанская правда» Федор Боярский вызвал его в кабинет и сказал подготовить стихи в номер о полете человека в космос: «12 апреля розовые листовки с моим стихотворением кружили над городом, над улицами, заполненными счастливыми людьми. ... За неделю написал поэму "Земля, поклонись человеку!". Писал безостановочно. Кричал!..». См.: Сулейменов О. Так было... Алматы: Service Press, 2023. С. 23-24.

² Сулейменов О. Круглая звезда. М.: Художественная литература, 1975.

Гибридность и номос: маркеры культурной идентичности

Ранний этап творческого пути О. Сулейменова в 1960-е гг. во многом отражал более широкий дискурс того времени — периода модернизации и урбанизации советских городов, космической и технологической революций, развития науки и общего уровня образования (Абрамов, 2017; Булыгина, 2014). Подобного рода масштабные и глубокие трансформации не могли не оказать влияния на понимание поэтом истории своего народа и культуры. Данное осмысление проводилось в дихотомном разрезе, как два разных полюса мира, как степь и город, Солнце и Луна.

Гибридность самого положения казахстанской культуры того времени на стыке времен, эпох, смыслов ощущалась автором исключительно остро. Отсюда его исполненные глубокой эмоциональностью строки об отношении к своей культуре. словно внутренне сжатая пружина, они раскрываются в итоге своим динамизмом и являются кратким эрзац-отражением тех процессов, которые будут разворачиваться в казахстанской культуре десятилетия спустя, к периоду публикации «Аз и Я», как предчувствие новой эпохи, проходящей инкубацию новых смыслов.

В строках произведений мы видим укор поэта на десять столетий вперед плоской, проклятой, «но моей степи». И одновременно в них же — твердое убеждение, что хоть «дремучая Азия и дремлет кругом» (из произведения «Постою у окна», 1963)¹ никогда города не волнуют вот так, как это только умеет делать степь. Подобного рода высокое крещендо, возвышение значения и роли степи, а вместе с ней и своей национальной культуры, прозвучало в ранней поэзии О. Сулейменова, но пока не закрепились еще полностью. Уже в следующих строках «О степная луна! Ты — остывшее солнце»² чувствуется возврат к прежним идеологемам, в соответствии с которыми — время кочевой культуры прошло, его не возратить, а если оно и возвращается, то только в пассивном виде, по ночам, подобно Луне. Дальнейшая консолидация, углубление и нарастание данного смысла будут сделаны автором позже, в знаковом «Аз и Я».

Данные сферы или маркеры осмысления культурной идентичности в «третьем пространстве» стали для поэта специфической призмой, поэтической метафорой, сквозь которые он ставил и осмысливал проблемы культурной идентичности. При этом именно гибридность, а не мимикрия стала ключевым аспектом в формировании культурной идентичности самого поэта.

Гибридность в творчестве поэта проявляется многопланово. С одной стороны, это язык метафор, парных дихотомий географического пространства — земли и космоса, — а также пространства ментального, символического, семиотического, выражаемого через данные метафоры. Гибридность проявляется также в самой постановке вопросов, которые ставил поэт — о своей культуре, о модерне, о традициях, о встрече культур. Поэт ощущает себя живущим на пограничье мест, времен, событий, когда границы стираются (в бескрайней степи), ночь переходит в день (Луна — Солнце), на глазах рождаются новые символы целой эпохи (синхронный стих о полете Ю. Гагарина в космос). Он не случайно уподобляет свое творчество мостам:

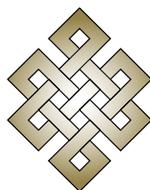
Они живут (объединив породы)
Над рвами необузданных стихий.
Мосты —
Мои сутулые дороги.
Мои стихи³.

Позднее гибридность получит свое яркое проявление и в «Аз и Я», когда поэт выйдет на пик смешения жанров, начало которому было положено в «Глиняной книге» (1969). Этот аспект гибридности хорошо прокомментирован М. Тлостановой как «попытка альтернативного мышления в духе фантазии-медитации на историкокультурные темы, созданной не в рамках традиционного западноевропейского научного или художественного дискурса» (Тлостанова, 2004: 140). Вместе с тем, говоря о «дискурсивной зыбкости», где «жанровая и родовая привязка и грани между романом,

¹ Сулейменов О. Постою у окна // Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство «Жазушы», 1964. С. 97–98.

² Там же.

³ Сулейменов О. Мосты // Сулейменов О. Доброе время восхода. Книга стихов. Алма-Ата: Издательство «Жазушы», 1964. С. 236–237.

историческим размышлением, поэзией, этимологической задачей — перемешаны и стерты» (там же: 140–141), М. Тлостанова определяет подход О. Сулейменова скорее не как гибридность, а как «субалтерн». По мнению исследовательницы, О. Сулейменов, воспитанный на русской культуре как носителя модернизации, проводит ее критическую деконструкцию, или «раннепостколониальный проект переписывания господствующей традиции, но при этом не отрицает ее полностью, а пытается интегрироваться...» (Тлостанова, 2004: 140–141).

Подобная рода гибридность приводит к тому, что, по мнению М. Ларуэль, творчество О. Сулейменова становится «парадоксом», когда «казахская идентичность не стесняется русификации и советизации, но прославляется посредством восстановления роли тюркских народов в мировой истории» (Laruelle, 2021: 140).

Весьма символично, что не только в творчестве, но и в жизни поэта проявлялась специфическая гибридность, где имели место и дихотомические горки, и мосты соединения культур. Возможно, одним из ярких примеров этого стала не просто критика его работы «Аз и Я», но и одновременное включение поэта кандидатом в члены ЦК Компартии Казахстана — способ, которым лидер Казахской ССР Д. А. Кунаев пытался смягчить удар для поэта, создать своеобразную подушку безопасности. Как вспоминал О. Сулейменов, Д. А. Кунаев предложил Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу включить О. Сулейменова для того, чтобы не допустить в будущем подобных ситуаций, чтобы тот стал «дисциплинированным», что и произошло на съезде компартии Казахстана 4 февраля 1976 г.¹

Таким образом, судьба писателя и его произведения прошла зигзаги партийного реализма и оказалась двойственной, по сути, гибридной. С одной стороны, включение поэта в партийную элиту можно рассматривать в качестве своеобразного «пряника», который использовался политической номенклатурой того времени для управления творческими процессами и самой творческой интеллигенцией в рамках идеологических конструкций советского государства. С другой стороны, был наложен запрет на издание книги, выразившийся в том, что опубликованный тираж изъяли полностью по всей стране без права на переиздание книги. Кто купил книгу сразу, по сути, приобрел счастливый билет, поскольку она практически сразу стала библиографической редкостью. Лишь спустя полвека, в 2025 г. книга получила второе рождение, была переиздана с новым предисловием автора (фото 6).

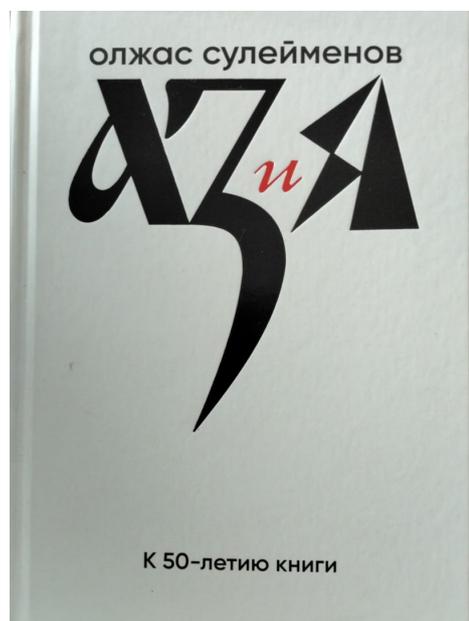
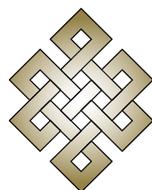

Фото 6. Обложка переизданной книги О. Сулейменова «Аз и Я», 2025.
Photo 6. The cover of O. Suleimenov's republished book "Az and I", 2025.

¹ Сулейменов О. Так было... Алматы: Service Press, 2023. С. 53–54.

Х. Бхабха, размышляя о третьем пространстве, подчеркивал продолжение колониального дискурса, который не заканчивается вместе с распадом империи, а продолжает оказывать не прямое влияние на сознание народов бывших колоний (Bhabha, 2004). Ранние произведения О. Сулейменова показывают, что аналогичным образом может происходить влияние и наоборот — когда история народа, его культурный код, идентичность, прошлое и традиции, даже невзирая на радикализм модернизации, все еще дают знать о себе. В этом смысле можно говорить о концепте семиосферы Ю. Лотмана, сохраняющей в себе все предыдущие символы, сформированные людьми прошлого и не исчезающие в никуда, а воспроизводящиеся и напоминаящие о себе вновь (Лотман, 1999). Правда, напоминание это скорее в виде смутного неосознаваемого желания знать, понять, или же представлено через эмоционально окрашенные смыслы. Возможно, воспоминание о своих корнях и идентичности выражено не так ярко и выпукло. Но это не умаляет того факта, что даже в виде подсознательного интереса, эмоциональной сопричастности или же логического факта, эпистемология культуры продолжает быть составной частью третьего пространства.

То, что Х. Бхабха называл пространством колонизируемых и колонизирующих, в случае с ранним творчеством О. Сулейменова можно выделить как тематические поля, «рубрики» интеллектуальной истории, развивавшейся в контексте радикальной модернизации советского периода истории Казахстана. Специфическим механизмом конструирования идентичности в третьем пространстве, который широко использовал О. Сулейменов, можно считать его апелляцию к естественно-географическим категориям бытия — пространству Земли (степь, горы, города) и Космоса (Солнце, Луна). Именно через данные категории, а также через обращение к истории, поэт пытался понять и осмыслить состояние гибридности и место в нем казахской (шире — тюркской, азиатской, бывшей номадной) культуры.

Тема степи, гор, Неба, природы в целом, как и метафоричность поэзии О. Сулейменова, основанной на мифологичности и ее образности, рассматривается исследователями в контексте знаковой поэтической мифологии для того, чтобы лучше понять свое лирическое «Я» и связь между прошлым и настоящим (Каирбеков 2025: 73–74, 80–82).

В подобной артикуляции и апелляции к природе четко проявляется ризома (корневище), номадность как гладкое пространство (номос), в котором «у ризомы нет ни начала, ни конца; она всегда находится посередине, между вещами, в промежуточном состоянии, в интермеццо» (Deleuze, Guattari, 2005: 25).

Подобное состояние гибридности, определяемое как ризома, номос, интермеццо у Делеза и Гваттари, промежуточность (*in-between*) у Бхабхи, промежуточная идентификация «субалтерна» у М. Глостановой, позволяет заключить, что оно достигалось участием различных аспектов жизни и пространства, в основу которых были положены концепты природы. В свою очередь, образы природы стали маркерами не только географической, но и культурной идентичности. Что касается сугубо художественного плана, то гибридность проявлялась в слиянии звуковой этимологии со знаковой — символической; в обновлении поэтической формы — слова, стиха, образа (Каирбеков, 2025: 74).

При этом важно отметить, что О. Сулейменов широко использовал, пожалуй, самый «примордиальный» подсознательный символический механизм отражения и формирования реальности, своей идентичности — номадную модель мышления. Как ризома и номос, «исходящие и проходящие из середины, которые приходят и уходят, а не начинаются и заканчиваются», эта модель выполняет коммуникационную функцию соединения (Deleuze, Guattari, 2005: 25, 384).

В качестве семиосферного воспоминания о прошлом, она апеллирует к Природе или пространству во всех его проявлениях и формах как к единому всеобъемлющему началу, где образы Земли и Космоса — это не просто поэтические метафоры, а глубинные модусы жизни, задействуя которые только и можно говорить о ней. Поэтому в постановке вопросов о культурной идентичности народа поэт совершенно естественно выбирает наиболее верные маркеры, позволяющие ему тонко со-настроить себя со звучанием окружающего пространства и через его символы, земляные и космические, получить позже единственно верные ответы.

Заключение

Изучение раннего творчества О. Сулейменова позволило выявить следующие тематические рубрики как механизмы и маркеры формирования культурной идентичности. С одной стороны, это

географические маркеры, связанные с физической средой, локальной (степь, горы, города) и расширенной, обобщенной, континентальной (Азия и Европа). С другой стороны, это космические маркеры — Солнце и Луна, звезды. Все эти маркеры являются проявлением природы, рассматриваемой с точки зрения представителя как номадной, так и седентарной культур. Взаимоотношение между ними проявляется как состояние «третьего пространства», гибридности, флуктуаций, когда ризомы и номос традиций соприкасаются с логосом модерна и в разных пропорциях, по-разному проявляют себя в раннем творчестве О. Сулейменова. В свою очередь, их можно рассматривать и как прелюдию к изучению темы взаимодействия культур.

Ранний период творчества поэта можно назвать временем настройки себя (и этноса) на музыку, ритм, пульсацию и дыхание пространства номоса (номадной культуры) в новую эпоху. Это происходит через постановку вопросов, отрицание и принятие одновременно, через логос модернизации и спущенных государством лекал развития и параллельно с этим, через номос интуитивного поиска и принятия своей культуры. Данное принятие происходит пока волнообразно, будто нахлынув и затем отпустив захватившую идею, и далее снова, проявляясь так, кочуя из стиха в стих. Важно отметить, что такие наплывы прослеживаются не единожды, а периодически, что может свидетельствовать о том, что этот вопрос не праздный, он словно преследует поэта, который пытается, насколько ему позволяет ситуация того времени, артикулировать это вновь и вновь. Время и контекст развития — либерализации 1960-х гг. — способствовали этому. Своеобразным результатом этих поисков можно считать уже качественно иной уровень, на который выходит поэт в 1970-е гг., сотворив, словно ответы на свои вопросы, ставшим классикой труд «Аз и Я».

Своими произведениями поэт косвенно и буквально отразил и предвосхитил некоторые аспекты ряда ведущих теорий второй половины XX в. — ориентализм Э. Саида, номадологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари. В частности, в ранних стихах можно отметить почти дословную переключку концептов номадной ризомы (номоса, плоского пространства) Ж. Делеза и Ф. Гваттари и «плоской природы» О. Сулейменова.

Через обращение к тематическим концептам своей культуры и ее архетипам, в которых кочевник ее главный актер и герой, О. Сулейменов, по сути, заявляет о примордиальном равенстве культур, их ключевого базового духа как способа познания себя через Другого. Тем самым поэт словно решает мучивший его вопрос, преодолевает маргинализацию своей культуры, поскольку выходит на более объемные и высокие пласты единства, где частности уже не играют большой роли, так как ставятся более глубокие задачи — проработки сознания по взаимодействию, а не различению культур. Таким образом можно резюмировать, что через обращение к основополагающим концептам и символам своей культуры (кочевник), то есть через проработку глубин истории и подсознания, автор преодолевает маргинальность своей культуры, выводит данный концепт на новый уровень, который помогает ему (и Азии в его лице) объяснить и стать ровень с Другим (Европой).

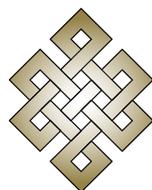
Именно этим важно раннее творчество поэта с найденными и развитыми им своеобразными и вместе с тем закономерными маркерами интеллектуальной истории. Они сформировали базу, задали тональность и направление всему последующему движению поисков и ответов на вопрос о культурной идентичности в третьем пространстве, в сфере сопряжений, в эпоху перемен. Подобного рода постановка вопросов может стать ключевой при рассмотрении как последующих этапов творчества О. Сулейменова, так и при анализе интеллектуальной истории Казахстана в целом в XX в.

Благодарности

Автор искренне благодарит свою маму, Утекешеву Асыл Карасаевну, за любезное предоставление книг, многие из которых имеют автограф О. О. Сулейменова, из своей домашней библиотеки для написания данной работы. Автор выражает искреннюю благодарность анонимным рецензентам за ценные советы, комментарии, дополнения при обзоре манускрипта статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулло, С. (2011) Феномен Олжаса. Алматы : Библиотека Олжаса. 496 с.
- Абрамов, Р. Н. (2017) Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания // Вестник Института социологии. № 8 (1). С. 114–130. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.441>

Абылхожин, Ж. Б., Крупко, И. В. (2024) Идеологические дискуссии и поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX веке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 265–278. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

Бахтикиреева, У. М. (2011) «Но людям я не лгал...» К 75-летию юбилею Олжаса О. Сулейменова // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. № 3. С. 5–17.

Бисенкулов, М. К. (2015) Чокан и Олжас: к проблеме гипертекстового пространства // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 4 (156). С. 29–33.

Булгына, Т. А. (2014) Из интеллектуальной жизни советского общества. Статья 2. Общественные науки, массовое и общественное сознание в послевоенные годы // Гуманитарные и юридические исследования. № (3). С. 18–25.

Джусупов, М. (2020) «Аз и Я» Олжаса Сулейменова (ген неповиновения и ген справедливости) // Foreign Languages in Uzbekistan. № 1 (30). С. 219–236.

Ерекешева, Л. Г. (2024) Интеллектуальный дискурс нациестроительства: национализм и осмысление истории в Индии // Новые исследования Тувы. № 4. С. 310–324. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.20>

Каирбеков, Б. Г. (2025) «Я ишу сердце каждого слова». Поэтика Олжаса Сулейменова. М. : АЛМАВЕСТ. 101 с.

Какильбаева, Э. Т. (2018) Личность и творчество Олжаса Сулейменова в современных исследованиях: итоги и перспективы // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 2 (170). С. 39–46.

Крупко, И. В. (2023) Переизобретение исторической субъектности казахов в творчестве Олжаса Сулейменова 1960-х гг. // Уральский исторический вестник. №1 (78). С. 123–132. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)

Лотман, Ю. М. (1999) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры. 464 с.

Тлостанова, М. В. (2004) Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. М. : УРСС. 416 с.

Турарбек, Л. В. (2020) Архитектоника мысли: гладкое и рифленое (*lisse et strie*) // Полотно культур : сборник статей / под ред. Л. Г. Ерекешевой, А. Панде. Алматы : ИД «МИР». 216 с. С. 161–172.

Шашкина, Г. З. (2014) Геометрическая символика в поэме Олжаса Сулейменова «Глиняная книга» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 4. С. 87–94.

Bhabha, H. K. (2004) *The Location of Culture*. 2nd ed. London : Routledge. 440 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203820551>

Bhabha, H. K. (2010) (Ed.). *Nation and Narration*. London : Routledge. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203823064>

Collini, S. (2016) *The Identity of Intellectual History* // Whatmore, R. and Young, B. (Eds). *A Companion to Intellectual History*. Oxford : Wiley Blackwell. 480 p. P. 7–18.

Deleuze, G., Guattari, F. (2005) *1227: Treatise on Nomadology: The War Machine* // *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Transl. and Foreword by B. Massumi. 11th printing. Minneapolis ; London : University of Minnesota Press. 610 p. P. 351–424.

Laruelle, M. (2021) *Ideology of the 'crossroads': Eurasianism from Suleimenov to Nazarbayev* // Laruelle, M. *Central Peripheries. Nationhood in Central Asia*. London : UCL Press. 252 p. P. 134–151.

Ram, H. (2001) *Imagining Eurasia: The Poetics and Ideology of Olzhas Suleimenov's AZ i IA* // *Slavic Review*. Vol. 60 (2). P. 289–311. DOI: <https://doi.org/10.2307/2697272>

Said, E. W. (1978) *Orientalism*. First edition. New York : Pantheon Books. 368 p.

Said, E. W. (2003) *Orientalism*. London : Penguin. 396 p.

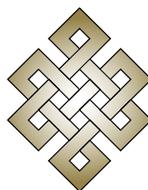
Young, B. (2016) *Introduction* // Whatmore, R. and Young, B. (Eds). *A Companion to Intellectual History*. Oxford : Wiley Blackwell. 480 p. P. 1–4.

Дата поступления: 23.10.2025 г.

Дата принятия: 12.01.2026 г.

REFERENCES

- Abdullo, S. (2011) *The phenomenon of Olzhas*. Almaty, Olzhas Library. 496 p. (In Russ.)
- Abramov, R. N. (2017) Soviet engineering and technical intelligentsia in the 1960s–1980s: in search of the boundaries of collective consciousness. *Vestnik Instituta sotsiologii*, no. 8 (1), pp. 114–130. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.441>

Abylkhozhin, Zh. B. and Krupko, I. V. (2024) Ideological discussions and the search for historical subjectivity of Kazakhstani society in the twentieth century. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 265–278. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

Bakhtikireeva, U. M. (2011) “But I did not lie to people...” On the 75th anniversary of Olzhas O. Suleimenov. *Vestnik RUDN. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, no. 3, pp. 5–17. (In Russ.)

Bisenkulov, M. K. (2015) Chokan and Olzhas: on the problem of hypertext space. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, no. 4 (156), pp. 29–33. (In Russ.)

Bulygina, T. A. (2014) From the intellectual life of Soviet society. Article 2. Social sciences, mass and public consciousness in the post-war years. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 18–25. (In Russ.)

Dzhusupov, M. (2020) *Az i Ya* by Olzhas Suleimenov (the gene of disobedience and the gene of justice). *Foreign Languages in Uzbekistan*, no. 1(30), pp. 219–236. (In Russ.)

Yerekhesheva, L. G. (2024) Intellectual discourse of nation-building: nationalism and the rethinking of history in India. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 310–324. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.20>

Kairbekov, B. G. (2025) “I seek the heart of every word”. The poetics of Olzhas Suleimenov. Moscow, ALMAVEST. 101 p. (In Russ.)

Kakilbaeva, E. T. (2018) The personality and work of Olzhas Suleimenov in contemporary studies: results and prospects. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, no. 2 (170), pp. 39–46. (In Russ.)

Krupko, I. V. (2023) Re-inventing the historical subjectivity of Kazakhs in the works of Olzhas Suleimenov of the 1960s. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1(78), pp. 123–132. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)

Lotman, Yu. M. (1999) *Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history*. Moscow, Yazyki russkoi kultury. 464 p. (In Russ.)

Tlostanova, M. V. (2004) *Never to live, to write from nowhere. Post-Soviet literature and the aesthetics of transculturation*. Moscow, URSS. 416 p. (In Russ.)

Turarbek, L. V. (2020) Architectonics of thought: smooth and striated (lisse et strié). In: Erekesheva, L. G. and Pande, A. (eds.) *The canvas of culture: collection of articles*. Almaty, MIR Publishing House. 216 p. Pp. 161–172. (In Russ.)

Shashkina, G. Z. (2014) Geometric symbolism in Olzhas Suleimenov's poem The Clay Book. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 4, pp. 87–94. (In Russ.)

Bhabha, H. K. (2004) *The Location of Culture*. 2nd ed. London, Routledge. 440 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203820551>

Bhabha, H. K. (2010) (Ed.). *Nation and Narration*. London, Routledge. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203823064>

Collini, S. (2016) The Identity of Intellectual History. In: Whatmore R. and Young B. (Eds) *A Companion to Intellectual History*. Oxford, Wiley Blackwell. 480 p. Pp. 7–18.

Deleuze, G. and Guattari, F. (2005) 1227: Treatise on Nomadology: The War Machine. In: *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Transl. and Foreword by B. Massumi. 11th printing. Minneapolis; London, University of Minnesota Press. 610 p. Pp. 351–424.

Laruelle, M. (2021) Ideology of the ‘crossroads’: Eurasianism from Suleimenov to Nazarbayev. In: Laruelle, M. *Central Peripheries. Nationhood in Central Asia*. London, UCL Press. 252 p. Pp. 134–151.

Ram, H. (2001) Imagining Eurasia: The Poetics and Ideology of Olzhas Suleimenov's AZ i IA. *Slavic Review*, vol. 60 (2), pp. 289–311. DOI: <https://doi.org/10.2307/2697272>

Said, E. W. (1978) *Orientalism*. First edition. New York, Pantheon Books. 368 p.

Said, E. W. (2003) *Orientalism*. London, Penguin. 396 p.

Young, B. (2016) Introduction. In: Whatmore R. and Young B. (Eds). *A Companion to Intellectual History*. Oxford, Wiley Blackwell. 480 p. Pp. 1–4.

Submission date: 23.10.2025.

Acceptance date: 12.01.2026.